

И плакал белый Стикс¹

Немного отняли у тебя, если не взяли души.

Пронзительным «о если» напишу:
А был ли день, и ночь ли это?
В оброненной строке рассвета
Оборванное подниму...
И день, и ночь твоей горячей крови...
Не досчитаюсь в ней однажды дней,
Где поцелованным и выбранным любовью
Идти сквозь равнодушные огней,
Сквозь строй метелей и усталости дорог,
Где цвет потерь и вечер тёмно-синий...
Вкус памяти— как нежности флоток,
И звук стеклянный в белой флейте стыни.

Нам было там сегодня лет по сто,
Там, где убийственно и просто ожиданье,
Ты бабочкой летишь к моей руке,
И всё сильней сердцебиенье и дыханье.
В том своеволии своём легка,
Рука твоя— как утешительница боли!
Мазурка, бал, мех соболиный, имена...
Княжна моя, на всех тут Божья воля.
Твоя мечта, и сердце, и печаль,
И ярко-белый цвет магнолий...
Твой князь серебряный— два шага до изгиба...
Площадь Сенатская... Дрожит царя рука.
И ты одна... и я один...
Тот, кто один, всегда с Господней Волей.

Где всех нас пригубили как бокал,
Тянули ввысь над книгою Предела...
И смерть в который час, в который раз
Часы перевела и не посмела.

О, эта вьюга... этот бал был в нашу честь!
Верста к версте— пять тысяч вёрст венчали.
За сотни вёрст от самого себя,
На тыщи вёрст, где ледяные дали.
Лаваль², мой бог, куда тебя несёт
По этим русским выбитым дорогам?!
Апре ну ле...³ склонился небосвод...

Всё впереди?
Княжна, какого чёрта?!

Вот-вот мелькнёт знакомый голос или жест
В листве, что выйдет с веток, чтоб смеяться
Над тем, что смерть.
Глаза откроет весть
И станет, раскрываясь, воплощаться.
Среди зимы, где все слова тверды,
Сильны, как явь, что больно и дыханью,
Сказать хоть слово,
Хоть мгновенье красоты
Твоим глазам и твоему молчанию...

Где тень ты в письмах будущим зовёшь,
И взгляд твой светел...
Где путь для нас— огонь и пепел.
И ночь мертва, чтоб ярче был рассвет.
Замедленностью оплывающие речи...
И вот твоя рука...
Твоя рука, мой бог,
Ложится так по-женски мне на плечи.

Вишнёвый сок по венам снегопада,
Что время сохранит, а что забудет—
Всё снами будет.
Князь, всё с нами будет!
Судить не нам, да и не тем, кто рядом...
Обнимет время всех...
Судить ли нам?..

Бог тишины и северного ветра
Сегодня развернул знамёна веры,
Сегодня нас укутал в сквозняки...
И цвета вечной охры вышли звёзды,
Такие близкие, как нам и обещали...
Любовь вполголоса молитвы дочитала,
Одной рукой перекрестив двоих.

В строфе исхода Кто-то записал: они смогли.
И плакал белый Стикс.

1. Стихотворение посвящено княгине Екатерине Ивановне Трубецкой и князю Сергею Петровичу Трубецкому. Стикс (др.-греч. «чудовище») — в древнегреческой мифологии олицетворение ужаса.

2. Лаваль — княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, урождённая графиня Лаваль.

3. «Апре ну ле...» — «После нас хоть...» (франц.).

Ещё на одного...

Когда я уйду, чуть-чуть повзрослеют деревья,
Останутся тени, которые можно не помнить.

Когда твоё цветенье станет алым,
Когда твой воздух вспомнит своё имя,
Моих ночных сонетов строки
Покажутся тебе живыми.
Когда мой бело-непокорный,
Мой слог, случайно поцарапанный губами,
Тебя коснётся каждым словом,
Ты вспомнишь, что такое «Ave».
Как нежен в каждой птице смех птенцов!
В рясах цветения на алтаре эскизов
Мы все устанем помнить жизни страх,
Мы все устанем на него молиться
И замирать в испуганных словах.
Когда однажды нас отпустят в сны к чужим,
Богатым, нищим, равнодушным, странным,
Когда украсят сердце шрамом алым
Пред алтарём небесных нот...
Когда за право и бесправие твоё
Вновь нежный ладанщик закажет воскресенье,

Гортанный реквием прощёного прочтенья
На бахрому распустит бремя вод.
Где мы вдохнём и выдохнем о Лете,
Танцую кожей, там, где всё придёт.
Как сладок воздух в этом сладком цвете,
Поющих пьёт.
От раненных цветеньем в душу слов
Моё моление снова плачет алым.
Сменивший свет, бездонность, темноту...
Нас всех однажды сбросят в травы...
И всё пройдёт.
И будет слово... слово о любви
В покинутых тобой прощаньях,
И дерево попросится к рукам,
Цветами одевая жизнь венчально.
Любовью ссадины врачюя,
Идущих в вечер день благословит,
И облетит латынью алфавит,
И повзрослеет тишина молчанья
Ещё на одного...

Когда заговоришь нечеловечьим языком
И расцветёшь на паперти прощальной.

Deus vult

Гераклит говорил, что «вечность—это ребёнок, бросающий игральные кости»...
Однажды, когда падала звезда, я успел загадать желание...
Я загадал жизнь...
Что такое жизнь?
Это Бог, происходящий с нами...
Это сад... Это ветер... Это глаза, руки, сердце Любви...
Это Любовь...
Цитаты, вырванные из ветра, повторяют и повторяют: «Ave, Deus!...»
Сегодня в песочных часах нет песка...
Лишь места с именами «ты» или «я» в фарфоровой Книге Жизни...
Сегодня гортань ветра открыла все двери тех одиночеств,
Где раньше мы были так нерешительны...
Где топил наши бумажные кораблики в ливнях неспешный Бог...
Небо нуждается в верности...
Услышь, как внутри поёт верность и нежность глубиной полных звёзд...
Надкрылья слов шафрановые с синим...
Томительные... живые, смертельные...
Быть легче тишины... Ave, Deus!
Deus vult.

Supererant

Чёрная река строки

Так сиротливо и всесильно разливается у предсердия.

Ветром колышима нежность—

Как лёгкий платок на плечах Магдалены.

Эта любовь, что светится чем-то вечным,

Вернувшись на круги всея ветров...

В глазах отмеряно так длинно—

От узнавания нежного до кубков ледяных

В нелепых пальцах...

Отобрази на моём позвоночнике каждую сутру любви...

Отобрази в моём сердце дыхание любви...

Отпуская нас в этот последний поход по воде,

Врезанный глубокой линией в ладони.

Словом, процеженным через горло снегов и потерь...

Выжившее...

Если б я хотел быть распят,

То построчной твоей любовью.

Той побуквенной, нежной...

Той, что со времён тишины приходила молиться за нас,

Где молятся, и лечатся, и дышат,

В той тесноте, что нас ревнует к ранам.

На вокзале богов,

Где нас оставили с запиской: «Так будет безнадежней»...

Проведи строкой по глубине небесной,

Где каждый раз последние рождаются слова,

Чтоб объяснить тебя,

Узнать тебя, любовь...

Мой самый бездонный, как вера, стих...

Где мы с тобой, лишённые границ,

Как иностранцы в мире зрелищ.

У чернил моих ещё не пересохли капилляры,

В обнажённую душу заливая небо и цветы.

Выслушай... Мне тысяча молитв сегодня исполнилось...

Спроси у тобою убитых и тобою воскрешённых,

Тобю любимых и тобой распятых...

Спроси у тех, кто делал это и с тобой.

Помнишь,

Как в одном из не случившихся слов распяли Христа?..

Помнишь, ребёнок родился, и нёс он с собой тысячу дат,

Время памятных дат

Терновника нежности с голосами птичьими...

Помнишь

Ноту одну... ту, которая выше всех нот,

Ту, которую написали в тебе при рождении,

А потом каждым днём гравировали и проверяли—

Устоишь ли, удержишь ли её?..

Ветер просил тело: отрекись...

Рвал тебя, пробовал на вкус твои солёные слёзы

И диктовал: отрекись...

И каждое движенье давалось замертво...

Крадущие жизнь, попробуйте украсть смерть.

И падал я в строку... как в то, что больше, чем смерть.

Supererant...

Кто сказал, что Бог не узнает своих?